

И люди всѣ къ ничтожеству сѣшать.
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она злѣю
Согрѣла. «О, когда бь одно «люблю»
Изъ устъ прекрасной могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все-бъ въ новый блескъ одѣлось!» такъ
мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желать!

Романъ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки ве-
Они не отъ сердца бѣгутъ; [селья,
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щецѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ, обманутомъ жизнью, хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидеть;
Я бь много припомнилъ минуть пролетѣ-
А я не люблю вспоминать! [вспихъ,
Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
Кровавый былого призракъ;
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
Какъ въ бурю надъ моремъ маятъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ—безъ надеждъ воро-
Жалѣть о край родномъ. [титъся—

Пѣсня.

Лигуйте, друзья, ставьте чаши вверхъ дномъ,
Пейте!
На пиру этой жизни, какъ здѣсь на моемъ,
Не робѣйте! [дномъ.
Какъ чаши, не бойтесь все ставить вверхъ
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не мо-
Плутамъ!... [жетъ мѣшать
Я совѣтую дѣтямъ своимъ повторять
(Даже съ пругомъ): [мѣшать.
Что стоитъ ужъ вверхъ дномъ, то не можетъ
Я люблю очень дно доставать на пирахъ
Въ чашѣ,
И даже въ другихъ... мѣстахъ...
На двѣ лишь есть жемчугъ въ морскихъ
глубинахъ.

Въ альбомъ Н. И. Поливанову.

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ—
Изгнанныкъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчей... И тайно грудь
Вздохнеть, и вдругъ заплачуть очи,
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенья.

Къ * * *

Всевышній произнесъ свой приговоръ—
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безответно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву принесилъ я.
Во зло употребила ты права,
Приобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила—Богъ съ тобою!
О! нѣтъ, я бь не рѣшился проклянуть!..
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья.
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный
Непринужденное лобзанье; [часть
Я знаю: то не любовь—и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ, и слезъ
Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ
И, услышавъ, что я страдаю,
Ты не томишь раскаяньемъ пустымъ.
Прости!—вотъ все, что я желаю.
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху приучать себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!

Желаніе.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?
На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.
На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.